

ОПЕРАТИВНЫЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

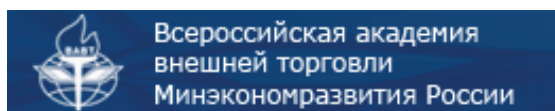
№ 17 (Декабрь) 2015 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ	3
1. ТЕМПЫ РОСТА ВВП В 2015–2016 ГГ.: О ЧЕМ ГОВОРИТ ДЕКОМПОЗИЦИЯ (С.Дробышевский, М.Казакова).....	6
2. БАНКОВСКИЙ СЕКТОР: ЭФФЕКТ МАСШТАБА В ДЕЙСТВИИ (М.Хромов)	11
3. «ИМПОРТОСОХРАНЕНИЕ» ВМЕСТО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ (С.Цухло)	15
4. ЗАПРЕТ НА ВВОЗ ПРОДУКТОВ С УКРАИНЫ: МАСШТАБ И ПОСЛЕДСТВИЯ (Н.Шагайда)	20
5. СОЦИАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ РЕГИОНОВ: СТРАНА КОНТРАСТОВ (Н.Зубаревич)	23
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА.....	28

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) и Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редактор: Гуревич В.С.

Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 17. Декабрь / Дробышевский С., Зубаревич Н., Казакова М., Хромов М., Цухло С., Шагайда Н. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли. 28 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2015-17-december.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

По мере того, как угроза обрушения российской экономики все реже рассматривается как актуальная, – подобное допущение обычно предполагает цену на нефть много ниже 40 долл. за баррель и нахождение ее на таком уровне много дольше одного-двух кварталов, – экономические прогнозы и комментарии к ним в основном концентрируются вокруг вопроса «когда начнется рост?». Тем более что осенние месяцы продемонстрировали отдельные статистические признаки того, что какой-то рост действительно наблюдается. Или что, как минимум, рецессия действительно заканчивается. Поэтому естественным спросом сегодня пользуются прогнозы и исследования относительно динамики российского ВВП в наступающем 2016-м году.

Одним из последних по времени стал обновленный прогноз Минэкономразвития, легший в основу федерального бюджета на 2016 г. А одним из самых последних исследований – декомпозиция динамики российского ВВП в 2015–2016 гг., проведенная с учетом данных прогноза министерства экспертами ИЭП им. Е.Т. Гайдара и РАНХиГС. Эта методика, применяемая в странах ОЭСР (и доработанная с учетом высокой зависимости нашей экономики от условий внешней торговли), позволяет выделить основные факторы, влияющие на рост ВВП: структурные, внешнеторговые, конъюнктурные. По сути цель такого пофакторного анализа в том, чтобы с достаточной степенью обоснованности определить: где заложен потенциал экономического роста, а где он отсутствует либо даже вносит отрицательный вклад в динамику ВВП.

Сам прогноз Минэкономразвития содержит три сценария на 2016 г. Один – базовый – строится исходя из сохранения текущих тенденций в экономике, его можно считать инерционным. Другой – консервативный – исходит из понижения цен на нефть до 40 долл. за баррель и предполагает продолжение рецессии. Третий – целевой (и, по сути, желательный) – нацелен на достижение такого роста, который сопоставим со среднемировым. Из него не следует, что уже в будущем году Россия достигнет такой динамики, однако он предполагает, что фактически уже с 2016 г. она начнет переход к новой модели развития. И главную роль в этом должны сыграть многократно уже озвученные самим министерством (да и другими ведомствами) факторы.

О чем же говорит декомпозиция? О том, что в 2015–2016 гг. вклад в динамику ВВП внешнеторговых факторов (в первую очередь цены на нефть) будет отрицательным. Роль структурных факторов роста, причем для всех трех сценариев, будет снижаться. Поэтому достижение искомым темпов в наступающем году вероятно лишь при резком росте конъюнктурных факторов: либо экономика должна оказаться не в нижней, как сейчас, а в верхней фазе делового цикла, либо она должна испытать некий «положительный шок», природа которого экспертам «не представляется очевидной». Возможно, такую роль могла бы сыграть отмена санкций или радикальный и уверенный рост цен на нефть, при том что вероятность каких-либо «негативных шоков» была бы исключена.

Декомпозиция свидетельствует о том, что в 2015–2016 гг. во всех сценариях развития фактический выпуск в российской экономике оказывается ниже потенциального. Теоретически это означает, что в краткосрочном плане кредитно-денежные и бюджетные стимулы могут иметь положительный эффект на рост ВВП, однако устойчивая и долгосрочная его динамика возможна лишь тогда, когда определяющую роль станут играть структурные факторы.

Активная кредитная подпитка экономики в будущем году выглядит не слишком вероятной не только из-за опасений инфляции, все еще высокой ставки ЦБ и не столь уж высокой тяги многих предприятий к банковским ресурсам. Не меньшую роль играет и состояние самих банков. Хотя периодические заявления о «глубоком банковском кризисе» выглядят преувеличенными, оценка ситуации в этом секторе как «стагнации» кажется вполне подходящей.

Данные за десять месяцев этого года подтверждают низкую рентабельность банковских операций, как и низкие финансовые результаты сектора в целом, а также известный эффект масштаба: крупные банки прибыльнее мелких. Любопытно, что значительная часть убытков этого сектора концентрируется в крупных госбанках, демонстрирующих (за исключением Сбербанка) самую низкую норму прибыли от регулярных операций. Скорее всего, речь идет о значительных объемах господдержки, которую эти банки на нерыночных условиях оказывают тем или иным секторам экономики.

Возможно, именно госбанкам предстоит профинансировать и различные программы импортозамещения в будущем году, поскольку в 2015 г. (во всяком случае с середины года) процесс стал явно тормозить. Об этом свидетельствуют опросы российских промышленных предприятий относительно их деятельности в III кв. и производственных планах на IV. При этом замещение импортных машин и оборудования происходило активнее, чем сырья и материалов. Правда, сам машиностроительный сектор уже более не сокращает закупки импортного оборудования. А пищевая промышленность все менее активно замещает импортное сырье и материалы, возможно, разочаровавшись в отечественной сырьевой базе либо исчерпав ее возможности. В целом же значительная часть российской промышленности проводит политику «импортосохранения» (то есть уже не снижает долю импорта) или даже «импорторасширения».

Последнее, однако, не относится к аграрному и пищевому сектору, где процесс импортозамещения (либо замещения одного импорта другим) продолжается. С января 2016 г. Россия вводит запрет на ввоз продовольственных товаров с Украины. Однако серьезного влияния ни на экономику России, ни даже на украинских поставщиков это оказать уже не может, поскольку снижение роли этих поставок происходит достаточно давно. Если в 2012 г. Украина занимала более 5% в российском продуктовом импорте (а по ряду позиций и 10%), то в 2015 г. ее доля сократилась до 1,2%, а в денежном выражении – более чем в шесть раз до 235 млн долл. Можно сказать, что исчезновение относительно дешевых украинских продуктов с российских прилавков в основном уже произошло.

Несколько по-иному выглядит запрет на поставки сельскохозяйственной продукции из Турции. В 2014–2015 гг. эта страна заняла (по объемам) примерно ту же долю в российском продовольственном импорте,

что занимала раньше Украина, а по отдельным позициям и выше. По некоторым оценкам, эта мера способна внести заметный вклад в возобновление продовольственной инфляции и даже стать одной из причин того, что ЦБ РФ вновь отложит снижение своей ставки. Поэтому для демпфирования инфляционного эффекта правительство запланировало вводить такой запрет постепенно с тем, чтобы российская торговля успела заместить турецкие поставки импортом из других стран.

Инфляция остается в числе главных факторов, влияющих на снижение реальных доходов и зарплат. В этих условиях расходы государства в лице как федеральных, так и местных органов власти на социальную сферу, включая прямую социальную поддержку, играют важную компенсирующую роль. Данные за первые три квартала 2015 г. свидетельствуют, что, несмотря на сложную ситуацию с бюджетами многих регионов, какого-либо серьезного снижения расходов на этом уровне пока не происходит.

Рост расходов на образование (в целом по регионам) сохранился на уровне прошлого года, хотя их структура изменилась в пользу дошкольного образования благодаря программе строительства детских садов. Рост расходов на социальную защиту населения отстает от динамики 2014 г. (пока на 1 п.п.), причем две трети этих расходов – выплаты пособий. Что касается здравоохранения, то здесь уже более половины расходов регионов приходится не на бюджеты, а на территориальные фонды обязательного медицинского страхования. С учетом этих фондов расходы в сфере здравоохранения росли темпами близкими к инфляции, при этом преобладающая их часть – страховые выплаты населению. Однако эксперты отмечают: структура расходов регионов на здравоохранение становится все менее прозрачной – бюджетная статистика уже мало что показывает. При этом вряд ли стоит напоминать, что социальные приоритеты и, соответственно, траты серьезно меняются от региона к региону. ●

1. ТЕМПЫ РОСТА ВВП В 2015–2016 ГГ.: О ЧЕМ ГОВОРИТ ДЕКОМПОЗИЦИЯ С.Дробышевский, М.Казакова

Минэкономразвития России представило три сценария прогноза социально-экономического развития в 2016 г., предполагающие пик спада ВВП в 2015 г. (-3,9%) и темпы прироста ВВП в диапазоне от -1,0 до +2,3% в 2016 г. Декомпозиция темпов роста ВВП с учетом прогнозных данных о динамике инвестиций в основной капитал, численности занятых в экономике и предполагаемых цен на нефть показывает, что такие темпы роста могут быть достигнуты либо при резком ускорении циклической составляющей, либо пересмотре предположений о динамике структурной составляющей за счет роста совокупной факторной производительности в экономике. Внешнеторговая составляющая, связанная с уровнем цен на нефть, во всех сценариях вносит отрицательный вклад в темпы роста ВВП, так как эти цены находятся ниже средних многолетних значений. Все это, независимо от роли отдельных компонент в динамике ВВП в 2016 г. и рассматриваемого сценария, означает, что и в 2015, и в 2016 гг. «разрыв» выпуска в экономике России останется отрицательным. Иными словами, во всех сценариях фактический выпуск оказывается ниже потенциального.

Минэкономразвития России выпустило обновленную версию прогноза социально-экономического развития России на 2015–2016 гг., являющуюся основой разработки проекта федерального бюджета на 2016 г. Прогноз содержит три сценария – базовый, консервативный и целевой. Согласно этому документу, в 2015 г. предполагается спад ВВП в размере 3,9% по сравнению с 2014 г. при средней годовой цене на нефть марки Urals в 53 долл./барр., спаде инвестиций в основные фонды на 9,9% и численности занятого населения 68,4 млн чел. (в 2014 г. в экономике РФ было занято 67,8 млн).

В отношении 2016 г. базовый сценарий прогноза «характеризует основные макроэкономические параметры развития экономики в условиях сохранения консервативных тенденций изменения внешних факторов и консервативной бюджетной политики»¹. Так, в рамках данного сценария предполагается, что рост ВВП в 2016 г. составит 0,7% по сравнению с 2015 г. (другими словами, экономика выйдет из рецессии на слабоположительные темпы роста), среднегодовая цена на нефть составит 50 долл./барр., инвестиции в основной капитал упадут на 1,6% по сравнению с предыдущим годом, численность занятого населения изменится незначительно. Таким образом, базовый вариант прогноза на 2016 г. строится исходя из сохранения текущих тенденций в российской экономике без появления дополнительных факторов, ускоряющих темпы экономического роста.

Консервативный вариант прогноза, как отмечает Минэкономразвития, строится в условиях крайне неблагоприятной внешнеэкономиче-

1 <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/20151026>

ской конъюнктуры (среднегодовая цена на нефть снижается до 40 долл./барр.), углубления спада инвестиций (снижение на 6,4% по сравнению с 2015 г.) и потребительского спроса, высокой инфляции и негативной динамики в других секторах экономики (промышленность и розничная торговля). Другими словами, основной удар в рамках данного сценария придется на потребительскую и инвестиционную сферы. Консервативный сценарий прогноза, таким образом, является наиболее пессимистичным по сравнению с другими сценариями и предполагает падение ВВП на 1,0% по сравнению с 2015 г.

Более оптимистичен целевой вариант прогноза, разработанный во исполнение поручения Президента РФ о выходе экономики России на траекторию роста на уровне среднемирового, устойчивую в долгосрочном периоде, и обеспечение макроэкономической сбалансированности в условиях низкой инфляции и повышения производительности труда. Этот сценарий фактически предусматривает переход с 2016 г. к новой модели экономического роста. Как отмечает Минэкономразвития, в целом «основной вклад в увеличение темпов экономического роста в 2016–2020 годах будут вносить следующие факторы:

- рост инвестиций в расширение производства и производственную инфраструктуру;
- рост инвестиций в увеличение экспорта несырьевых товаров и стимулирование экспорта высокотехнологичной продукции;
- повышение совокупной производительности факторов в результате увеличения вложений в инновационные сектора экономики;
- реализация мер по ресурсоэкономии и сокращению издержек, в том числе связанных с трудовыми затратами и тарифами естественных монополий;
- развитие малого бизнеса, улучшение условий для предпринимательской деятельности и другие факторы»¹.

Наличие в представленных сценариях прогнозных значений цен на нефть, динамики инвестиций и численности занятых позволяют нам провести декомпозицию прогнозных значений темпов роста ВВП в 2016 г. по трем описанным выше сценариям в соответствии с разработанными нами алгоритмом. *Предлагаемая нами методика, основанная на методологии разложения макроэкономических показателей на структурную, внешнеторговую и конъюнктурную (деловые циклы и случайные шоки) составляющие, позволяет выделить влияние основных факторов на рост ВВП.* Эта методика применяется в развитых странах (ОЭСР), однако была доработана нами с учетом специфики российской экономики. Специфика заключается в высокой степени зависимости от условий внешней торговли, аппроксимирующихся при помощи динамики мировых цен на нефть².

Фактический, структурный и внешнеторговый темп прироста российского ВВП, а также его конъюнктурная компонента (т.е. сумма компонент бизнес-циклов и случайных шоков) для трех сценариев прогноза

1 <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz>

2 Более подробно методика декомпозиции темпов роста российского ВВП, а также интерпретация полученных нами результатов приведены в статье *Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37, а также <http://ier.ru/ru/publikacii/7125/publication.html>.*

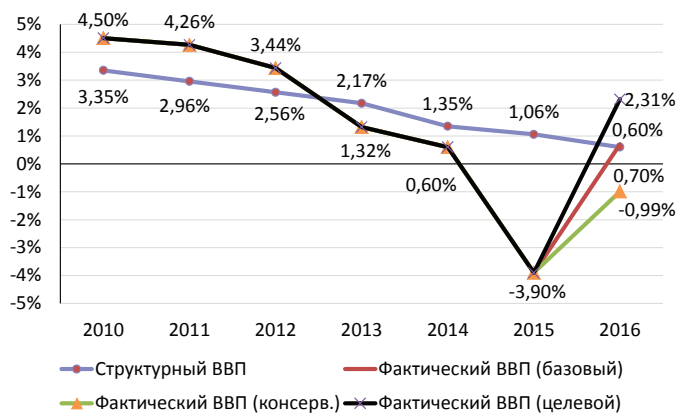
развития российской экономики в 2015–2016 гг. представлены на рис. 1–4.

По нашим оценкам, прогнозная структурная компонента роста ВВП в 2016 г. будет продолжать снижаться при всех сценариях прогноза (с 1,1% в 2015 до 0,6% в 2016 г., см. рис. 1). Как и в предыдущие годы, это обусловлено негативной динамикой фундаментальных факторов роста (сокращение численности экономического активного населения в силу демографических тенденций и объема капитала вследствие выбытия при отрицательной динамике инвестиций), а также снижением совокупной факторной производительности.

При заданных в сценариях уровнях цен на нефть в 2015–2016 гг., которые находятся ниже средних многолетних уровней (80–85 долл./барр.), внешнеторговая компонента темпов прироста ВВП в 2015 г. для всех сценариев окажется отрицательной (-1,2% – для базового и целевого и -1,6% – для консервативного).

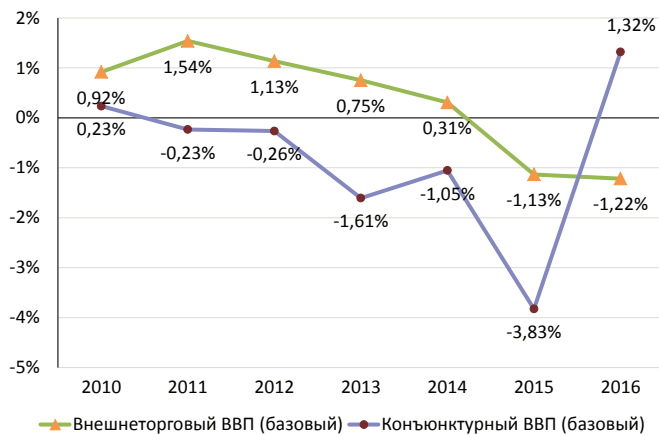
Конъюнктурная компонента темпов прироста российского ВВП в 2015 г. остается отрицательной, при этом циклический спад, очевидно, был усилен негативным шоком, масштабы которого оцениваются в 2,5–3,0 п.п. прироста ВВП. Этот шок представляет собой комбинацию негативных последствий от экономических санкций и контрсанкций, роста неопределенности и рисков в экономике в условиях крайне волатильного курса рубля, повышения инфляции и сокращения доступности к заемному капиталу.

Переходя к декомпозиции темпов роста ВВП РФ в 2016 г., следует отметить, что реализация прогнозируемого темпа прироста во всех трех сценариях, при относительно низких ценах на нефть и отсутствии роста совокупной факторной производительности, возможна только

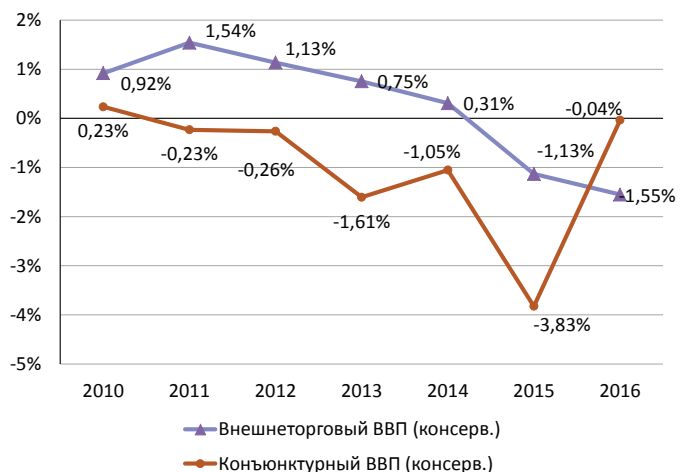
Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 1. Фактический и структурный темпы прироста ВВП, % к предыдущему году, 2010–2016 гг. (все сценарии прогноза)

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 2. Внешнеторговый и конъюнктурный темпы прироста ВВП, % к предыдущему году, 2010–2016 гг. (базовый сценарий прогноза)

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 3. Внешнеторговый и конъюнктурный темпы прироста ВВП, % к предыдущему году, 2010–2016 гг. (консервативный сценарий прогноза)

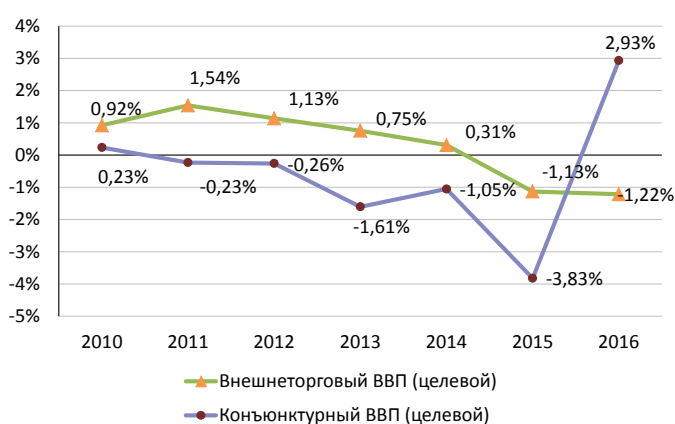

за счет резкого роста его конъюнктурной компоненты: для самого оптимистичного сценария с -3,8% в 2015 г. до 2,9% в 2016 г., а для пессимистичного с -3,8% в 2015 г. до -0,04% в 2016 г. Такой рост конъюнктурной составляющей может быть результатом либо резкого ускорения циклического ВВП в условиях «ухода в прошлое» негативного шока, присутствующего в 2015 г., либо, при предположении о сохранении экономики в нижней фазе делового цикла, заметного положительного шока, природа которого не представляется очевидной.

Вместе с тем полученные нами результаты (и соответственно выводы) основаны на полученных на временном интервале 2000–2014 гг. модельных оценках совокупной факторной производительности и, следовательно, модельных структурных темпах роста ВВП России, имеющих устойчивый тренд к снижению. Если предположить, что динамика совокупной факторной производительности изменилась, и структурные темпы роста ВВП прекратили свое снижение (например, вследствие повышения роста конкурентоспособности отечественного производства после девальвации рубля или повышения эффективности экономики в условиях текущего кризиса после банкротства ряда компаний, сокращения непроизводственных издержек, высвобождения части занятых и «расчистки» банковской системы), то часть прогнозируемого в 2016 г. роста ВВП может быть отнесена именно на эту компоненту. В таком случае динамика конъюнктурной составляющей (в диапазоне от -1,5 до 2,0 п.п. прироста ВВП) представляется достаточно логичной в условиях прекращения действия негативного шока 2015 г. и постепенного выхода на повышательную стадию делового цикла (а в целевом сценарии – ускорение циклической составляющей вследствие перехода на новую модель роста). Эконометрические данные изменения в структурных темпах роста могут быть оценены только при добавлении в моделируемый ряд новых фактических годовых наблюдений ВВП, т.е. по прошествии не менее 1–2 лет.

Результаты декомпозиции темпов роста российской экономики позволяют также получить оценку «разрыва» в выпуске в 2015–2016 гг., который становится отрицательным в 2015 г. Это является результатом негативного вклада двух компонент (внешнеторговой и конъюнктурной – последней на протяжении уже 5 лет, с 2011 г.) при снижающихся структурных темпах роста. Необходимо также отметить, что «разрыв» выпуска продолжает находиться в отрицательной области и в 2016 г. даже для оптимистического (целевого) сценария МЭР (рис. 5).

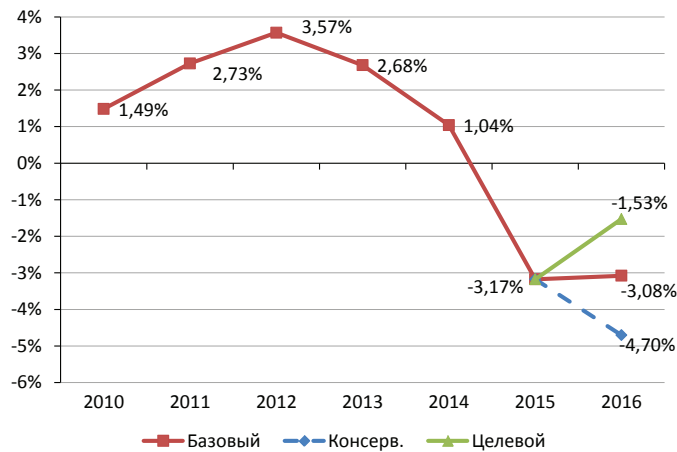
Таким образом, в 2015–2016 гг. во всех сценариях фактический выпуск оказывается ниже потенциального. С точки зрения экономической теории, в этом случае стимулирующие меры денежно-кредитной и бюджетной политики могут оказывать положительный эффект на экономику, по крайней мере, в краткосрочном периоде. Однако для ускорения

Источник: Росстат, МЭР, МВФ, расчеты авторов.

Рис. 4. Внешнеторговый и конъюнктурный темпы прироста ВВП, % к предыдущему году, 2010–2016 гг. (целевой сценарий прогноза)

долгосрочных темпов экономического роста, в первую очередь требуется повышение структурных темпов на основе фундаментальных факторов роста и совокупной факторной производительности. В современных экономических условиях это означает изменение ситуации с доступом российских компаний к иностранному капиталу, прямым иностранным инвестициям, повышение инвестиционной активности российского бизнеса и смягчение ограничений в отношении доступных трудовых ресурсов. Следует отметить, что в предпосылках сценариев Минэкономразвития России, за исключением целевого, упоминание о таких изменениях отсутствуют. ●

Источник: расчеты авторов.

Рис. 5. Разрыв в выпуске российской экономики (%), 2010–2016 гг. (прогноз по трем сценариям)

2. БАНКОВСКИЙ СЕКТОР: ЭФФЕКТ МАСШТАБА В ДЕЙСТВИИ

М.Хромов

За 10 месяцев 2015 г. банковский сектор продемонстрировал крайне низкие результаты. Прибыль и рентабельность банковских операций упала, а многие кредитные организации имели отрицательный финансовый результат. Убытки концентрировались в госбанках и банках, проходящих процедуру финансового оздоровления. Наблюдается очевидный эффект масштаба: крупные банки более прибыльны, чем мелкие, даже несмотря на более активное формирование резервов на возможные потери.

Важнейшим индикатором, свидетельствующим о серьезных проблемах в банковском секторе, является резкое падение прибыли и, соответственно, рентабельности банковских операций. По итогам 10 месяцев 2015 г. финансовый результат банковского сектора составил всего 193 млрд руб. Рентабельность активов (ROA) за январь–октябрь 2015 г. в годовом выражении упала до 0,3%, рентабельность собственных средств – до 3,4%. Все эти показатели оказались в текущем году в 3,5–5 раз меньше, чем годом ранее. За 10 месяцев 2014 г. прибыль банковского сектора составила 723 млрд руб. (в 2015 г. снижение в 3,8 раза), рентабельность активов – 1,4% в годовом выражении (снижение в 4,7 раз), рентабельность собственных средств – 13,5% в годовом выражении (снижение в 4,0 раз).

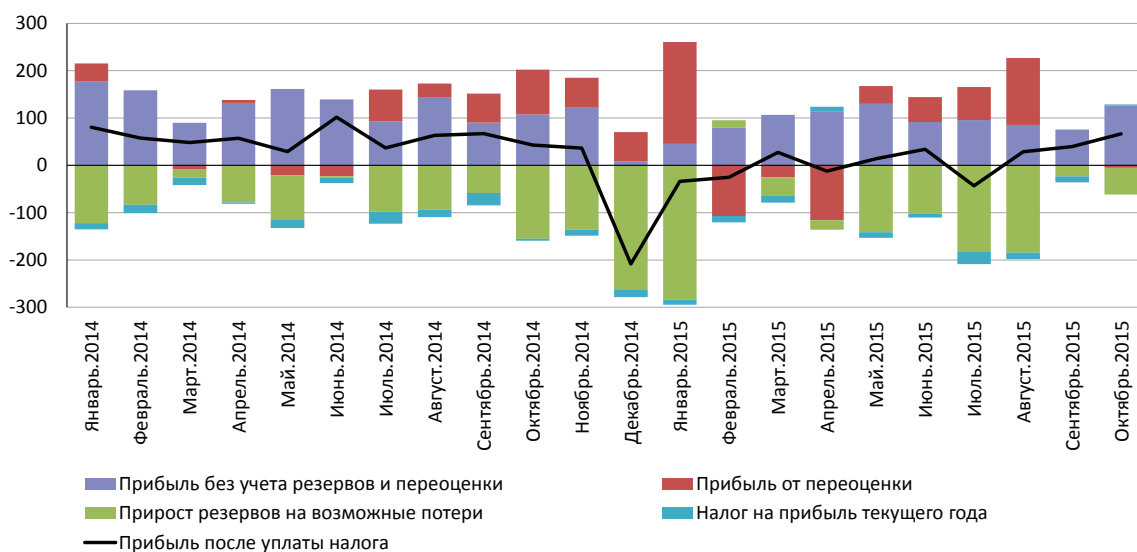
Значительное число кредитных организаций имели отрицательный финансовый результат. По итогам первых 10 месяцев 2015 г. 215 кредитных организаций продемонстрировали убытки, общий объем которых достиг 413 млрд руб. В то время как прибыль остальных 538 организаций составила 606 млрд руб. Величина рентабельности активов прибыльных банков (1,3% в годовом выражении) оказалась заметно ниже абсолютной величины отрицательной рентабельности убыточных банков (-2,3% в годовом выражении). Таким образом, убытки оказались более значительными, чем прибыль. Доля банковских активов, приходящихся на убыточные банки, составляет 27% от совокупного объема активов.

Основными причинами резкого снижения банковской прибыли, как мы уже отмечали ранее¹, стало снижение качества банковских активов, вынудившее банки значительно увеличить отчисления в резервы на возможные потери, а также снижение доходности основных банковских операций². Особенно отчетливо эти причины проявляются именно в отношении убыточных кредитных организаций.

В целом по банковской системе отчисления в резервы на возможные потери составили за 10 месяцев 2015 г. более 1 трлн руб., а отношение сформированных резервов на возможные потери к совокупным акти-

¹ См., например: Налог на прибыль ввел банковский сектор в убытки // ОМЭС. № 7. 2015 г.; Банки: ухудшение качества активов и падение прибыли // ОМЭС. № 13. 2015 г.

² Прибыль без учета операций с резервами и переоценки счетов в иностранной валюте.

Источник: Банк России

Рис. 1. Основные элементы прибыли банковского сектора, млрд руб.

вам выросло на 1,3 п.п. (с 5,2% до 6,5%). Эта величина отражает оценку доли «плохих» активов в общем объеме банковских активов. Убыточные банки характеризовались как более низким качеством активов, так и более высоким темпом роста «плохих» активов. Отношение резервов на возможные потери к совокупным активам для убыточных банков выросло в 2015 г. с 7,2 до 9,9%, в то время как для прибыльных – с 4,4 до 5,3%. При этом в номинальном выражении рост резервов в обеих группах банков оказался сопоставимым: 546 млрд руб. для прибыльных и 539 млрд руб. – для убыточных, при том что активы прибыльных банков в 2,6 раз превосходят активы убыточных.

Рентабельность основных банковских операций для прибыльных банков также сохраняется на гораздо более высоком уровне, чем для убыточных. Без учета отчислений в резервы и переоценки счетов в иностранной валюте все кредитные организации заработали за 10 месяцев 929 млрд руб. (1,5% активов в годовом выражении), из которых 889 млрд руб. (2,0% в годовом выражении) приходится на прибыльные банки и лишь 106 млрд руб. (0,6% в годовом выражении) на убыточные.

Годом ранее (за 10 месяцев 2014 г.) прибыль от основных банковских операций достигала 1,29 трлн руб., или 2,4% активов в годовом выражении, что свидетельствует о заметном снижении этого компонента финансового результата банковского сектора.

Более подробный анализ структуры финансового результата с выделением отдельных групп банков раскрывает следующие особенности формирования банковской прибыли в 2015 г. (табл. 1).

Свыше половины убытков убыточных банков концентрируется в крупных госбанках и банках, проходящих процедуру финансового оздоровления. Среди банков, отнесенных к крупным госбанкам, только головной банк группы ВТБ получил прибыль по итогам 10 месяцев текущего года (65 млрд руб.), остальные банки, входящие в эту группу (ВТБ24 и Банк Москвы), понесли убытки суммарно в 70 млрд руб., так же, как и два других банка – ГПБ и Россельхозбанк. Суммарный убыток по этим четырем банкам за 10 месяцев 2015 г. достиг 157 млрд руб.

Таблица 1

СТРУКТУРА ФИНАНСОВОГО РЕЗУЛЬТАТА ОСНОВНЫХ ГРУПП БАНКОВ

	Доля в активах на 1.11.2015, %	Прибыль, млрд руб.	ROA, %	Отчисления в резервы, млрд руб.	Прибыль от переоценки, млрд руб.	Прибыль без учета резервов и переоценки, млрд руб.	ROA (без учета резервов и переоценки), %
Банковская система	100	193	0,3	1018	282	929	1,5
Сбербанк	29	210	1,1	213	30	393	2,1
Крупные госбанки*	27	-92	-0,5	242	17	133	0,8
Санируемые банки**	3	-61	-3,3	126	4	60	3,2
Крупные иностранные банки	6	38	0,9	20	77	-19	-0,5
Крупные частные банки	15	59	0,7	224	83	200	2,3
Прочие банки	21	40	0,3	193	71	162	1,2

*Банки группы ВТБ (ВТБ, ВТБ24 и Банк Москвы), ГПБ, РСХБ.

**Банки, проходившие процедуру финансового оздоровления по состоянию на 1 ноября 2015 г., за исключением Банка Москвы, отнесенного к госбанкам.

Источник: Банк России, отчетность банков, оценки ИЭП.

Госбанки в 2015 г. имели самую низкую норму прибыли от регулярных операций, ROA по этому показателю составила лишь 0,8% в годовом выражении против 1,5% в целом по банковскому сектору. Это свидетельствует о наличии у этих банков значительного объема сделок, носящих нерыночный характер, например, направленных на реализацию господдержки определенных секторов экономики. Наиболее ярко это проявляется у Россельхозбанка, основные операции которого в 2015 г. являлись убыточными в размере 1,0% активов в годовом выражении.

Среди банков, аффилированных с государством, особняком стоит Сбербанк. Значительное опережение рынка по качеству активов позволило крупнейшему банку добиться относительно высокой рентабельности активов. По доходности регулярных операций Сбербанк также находится на лидирующих позициях.

Кроме госбанков, еще 70 млрд руб. убытка приходится на банки, проходящие процедуру санации (часть банков этой группы осталась в прибыли). Санируемые банки имеют наихудшее качество активов: отношение объема накопленных резервов к совокупному объему активов для этих банков достигло 18%. Темп роста резервов на возможные потери за 10 месяцев достиг 40% (126 млрд руб.).

Неожиданным оказался аномально высокий уровень прибыли без учета резервов и переоценки в группе санируемых банков. Рентабельность активов по этому показателю в 2015 г. составила здесь 3,2% в годовом выражении. Такой высокий уровень, сопоставимый лишь с показателями банковского сектора в период кризиса 2008–2010 гг., когда аналогичные тенденции – падение суммарной прибыли на фоне заметного роста доходности по основным операциям, – были характерны для банковского сектора в целом. Тогда это, очевидно, свидетельствовало о широком использовании определенных бухгалтерских механизмов, приводящих к компенсации убытков в банковской отчетности при активной фиксации наличия «плохих» активов.

Сейчас же санируемые банки находятся под особым контролем со стороны регулятора, наличие которого позволяет вскрыть проблемы с

реальным качеством активов, не допустив при этом излишних манипуляций с отчетностью. Однако для оптимизации затрат на процесс санации возможна реализация определенных схем, снижающих единовременные убытки. Для примера можно вспомнить ситуацию с Банком Москвы в 2011 г., когда для компенсации внезапно возникших необслуживаемых активов банк получил заем от регулятора по льготной ставке и выгода в процентных платежах позволила компенсировать расходы на создание резервов в требуемых объемах. Отметим, что в отношении самого Банка Москвы в настоящее время не проводится дополнительных мер и его прибыльность по основным операциям находится на среднем для банковской системы уровне (1,5% в годовом выражении).

Для иностранных банков в 2015 г. была характерна убыточность регулярных банковских операций. Основным источником дохода для дочерних банков нерезидентов был переоценка счетов в инвалюте, то есть их финансовое положение всецело зависело от динамики обменного курса. Несмотря на относительно неплохое качество активов, низкая доходность предопределяет критическое снижение инвестиционных интересов нерезидентов к российскому банковскому сектору, особенно с учетом внешнеполитических рисков. Подтверждением этому может служить последовательное уменьшение доли нерезидентов в капитале российских банков с 25–26% в 2014 г. до 20% в 2015 г.

Наблюдается очевидный эффект масштаба: крупные банки более прибыльны, чем мелкие, даже несмотря на более активное формирование резервов на возможные потери. Это связано с высокой доходностью регулярных операций у крупных частных банков. Мелкие и средние банки сталкиваются с серьезной конкуренцией со стороны более крупных и вынуждены более активно повышать доходность привлекаемых средств, что определяет более низкую доходность от регулярных операций за счет снижающегося чистого процентного дохода.

В последние месяцы ситуация в целом в банковском секторе, на первый взгляд, стала выправляться. За три месяца (август-октябрь) суммарный финансовый результат всех кредитных организаций составил 159 млрд руб., а октябрь стал первым месяцем текущего года, когда объем совокупной банковской прибыли оказался больше, чем в соответствующем месяце 2014 г. Однако значительная часть прибыли была обеспечена очередным витком девальвации рубля и ростом чистых доходов от переоценки счетов в иностранной валюте, которые за эти три месяца составили 136 млрд руб., или 85% от прибыли. Прибыль от регулярных банковских операций в последние три месяца (288 млрд руб.) оставалась на уровне, сопоставимом с началом года: 1,5% активов в годовом выражении. ●

3. «ИМПОРТОСОХРАНЕНИЕ» ВМЕСТО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

С.Цухло

Процесс импортозамещения в российской промышленности демонстрирует очевидные признаки торможения. Об этом свидетельствуют и сравнительные результаты фактически происходившего импортозамещения по кварталам, и планы предприятий на последний квартал нынешнего года. Причем более активно происходило замещение импортных машин и оборудования, чем сырья и материалов. Правда, само российское машиностроение уже не сокращает закупки импортного оборудования. А пищевая промышленность все менее активно замещает импортное сырье и материалы, возможно, разочаровавшись в отечественной сырьевой базе либо исчерпав ее возможности. В целом же значительная часть российской промышленности проводит политику «импортосохранения» (т.е. уже не снижает долю импорта) или даже «импорторасширения».

Последняя оценка фактического импортозамещения получена для III кв. и прогнозная – для IV кв. 2015 г. При этом отдельно оценивалось импортозамещение в отношении сырья и материалов, и для машин и оборудования.

Полученные за III кв. 2015 г. данные позволяют сделать вполне определенный общий вывод – российская промышленность снизила масштабы импортозамещения. Это относится ко всем отслеживаемым показателям: и к сырью, и к оборудованию, и к фактическим изменениям, и к планам на IV кв. 2015 г. Рассмотрим оценки импортозамещения более подробно и с учетом сопоставимых результатов за II кв. 2015 г.

Сырье и материалы

В III кв. 2015 г. о снижении доли импорта в покупаемом сырье и материалах сообщили в целом по промышленности 18% предприятий. Этот результат оказался ниже масштабов импортозамещения II кв., когда о сокращении физической доли импорта сообщили 22% предприятий. Не были реализованы в III кв. 2015 г. и планы импортозамещения, сформировавшиеся в промышленности во II кв. Тогда снижение доли импорта планировали 28% предприятий. Текущие планы на IV кв. 2015 г., похоже, более реалистичны – 18% предприятий планируют снизить физическую долю импорта в своих закупках сырья и материалов, т.е. сохранить масштабы импортозамещения в IV кв. на фактическом уровне III кв. 2015 г. Таким образом, фактическое импортозамещение сырья и материалов сократилось на 4 п.п., а планы по импортозамещению – на 10 п.п.

Аналогичные результаты продемонстрировал и анализ, основанный на сопоставлении ответов предприятий, принявших участие и в июльском, и в октябрьском опросах. Он показал, что бóльшая часть предприятий (73%) сохранила прежнюю политику импортозамещения и в III кв. 2015 г. При этом среди всех возможных вариантов промышленность отдавала предпочтение именно политике удержания прежней доли им-

порта в своих закупках сырья и материалов: таких предприятий в российской промышленности было 52%.

Чуть более четверти опрошенных предприятий сообщили о переменах в сфере импортозамещения в III кв. по сравнению со II кв. 2015 г. При этом преобладали ответы о торможении импортозамещения. Таких предприятий в двух опросах оказалось 17%. На активизацию же импортозамещения в III кв. по сравнению со II кв. указывали только 10%, т.е. только десятая часть российской промышленности перешла к более интенсивному вытеснению импортного сырья и материалов в III кв. 2015 г.

Еще более определенно выглядят планы промышленности на IV кв. Удержать тенденции III кв. готовы 66% предприятий и опять – с преобладанием желания сохранить прежнюю долю импорта в закупках. Оставшаяся треть промышленности решила пересмотреть свою политику, причем не в пользу российских аналогов.

Торможение импортозамещения предполагается на 23% предприятий, а его активизация – только у 11% российских промышленных предприятий. Таким образом, и баланс планов тоже сложился отрицательным, т.е. импортозамещение будет уступать «импортрасширению».

Рассмотрим отраслевые особенности импортозамещения при фактических закупках сырья и материалов в III и II кв. 2015 г. (см. рис. 1). Сопоставление масштабов этого процесса, оцениваемого по доле предприятий, снизивших физическую (натуральную) долю импорта в сырье и материалах, тоже показало торможение импортозамещения на уровне почти всех отраслей. И только легпром, леспром и металлургия показали увеличение масштабов фактического импортозамещения в III кв. В легкой промышленности этот показатель вырос до 8% предприятий с 4% во II кв. При этом 78% предприятий отрасли сообщили, что не смогли (не захотели?) снизить долю импорта в III кв. В леспроме доля предприятий, снизивших импортные закупки, выросла на 3 п.п. до 16% при 80% уровне сохранения прежней зависимости от импорта. В металлургии доля предприятий, снизивших импортные закупки, вообще весьма мала (1 п.п.). Таким образом, эти положительные, на первый взгляд, результаты импортозамещения имеют крайне незначительный масштаб.

Все другие отрасли не смогли добиться даже такого результата. А самый значительный отказ от политики импортозамещения пришелся, что неожиданно, на пищевую промышленность. Если во II кв. 2015 г. долю закупок импортного сырья сократили 36% предприятий отрасли, то в III кв. это смогли сделать только 16%, в результате отказ от импортозамещения в отрасли составил 20 п.п. Хотя планы на III кв. предполагали импортозамещение в закупках сырья у 31% предприятий. Планы на IV кв. показывают возможное увеличение масштабов импортозамещения, но – лишь на 3 п.п. (до 19% предприятий).

Таким образом, пищевая промышленность, получившая уни-

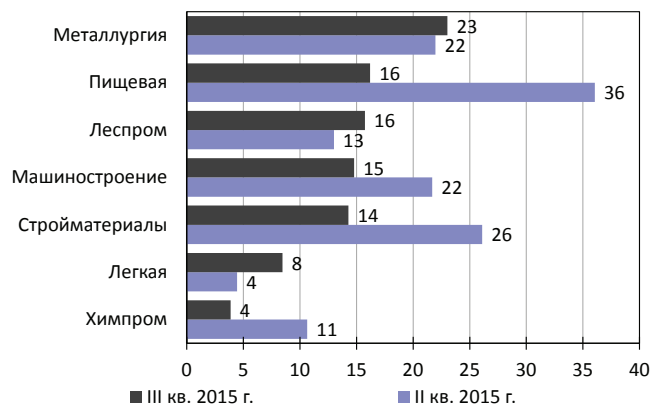

Рис. 1. Масштабы фактического импортозамещения при закупках сырья и материалов в отраслях промышленности, %

кальные преимущества при сбыте своей продукции еще в августе 2014 г., подкрепленные затем девальвацией, разочаровалась в отечественной сырьевой базе или вычерпала ее «до дна». Теперь отрасль начинает искать и других поставщиков, уже за пределами страны.

На втором месте по фактическому отказу от импортозамещения оказалась промышленность строительных материалов. В этой отрасли, казалось бы, и так мало зависящей от импортного сырья, во II кв. 2015 г. четверть предприятий смогли еще больше снизить зависимость от него. Однако реальная работа с российскими производителями показала, видимо, неудовлетворительное качество и недостаточную стабильность поставок даже тех небольших объемов критически важного сырья, которое обычно закупалось отраслью за границей. В результате стройиндустрия решила, по всей вероятности, вновь обратиться к импорту и снизила масштабы замещения в III кв. до 14%, хотя намеревалась удержать их на уровне 25%. Планы на IV кв. предполагают сохранение показателей III кв.

Третье место с 7 пунктами снижения импортозамещения сырья и материалов занимают машиностроение и химическая промышленность. Однако масштабы снижения в указанных отраслях различаются принципиально. Российская химическая промышленность продемонстрировала минимальное (по сравнению с другими отраслями) импортозамещение и во II, и в III кв. 2015 г.: 11 и 4% предприятий соответственно сообщили о переходе с импортного сырья на российские аналоги. В IV кв. импортозамещение в планах только у 5% предприятий химпрома, что тоже является минимумом по сравнению с другими отраслями. Российское машиностроение сообщает о больших масштабах импортозамещения – после 22% предприятий во II кв. отрасль сократила свое участие в этом процессе до 15%.

Машины и оборудование

В области машин и оборудования российская промышленность демонстрирует большую готовность к переходу на российские аналоги, чем в случае сырья и материалов. Фактически переходили на российское оборудование в III кв. 2015 г. 26% предприятий, хотя планировали это сделать 31%. Планы импортозамещения на IV кв. зарегистрированы тоже у четверти предприятий.

Максимальных успехов в области импортозамещения в III кв. 2015 г. добилась лесная промышленность, почти половина предприятий которой сообщила о снижении доли импортного оборудования в своих закупках. Этот эффект усиливается с учетом того обстоятельства, что во II кв. фактическое импортозамещение было зарегистрировано только у 23% предприятий, а планы на III кв. предполагали его сохранение на уровне II кв. Однако отрасль смогла (или была вынуждена) добиться принципиально более масштабных результатов в этой области в условиях стагнации российской экономики и спада потребления ее продукции на внутреннем рынке, нестабильности экономик стран – покупателей продукции российского леспрома и особенностей отраслевого инвестиционного цикла. Все другие сектора промышленности в лучшем случае сохранили прежние (II кв. 2015 г.) масштабы импортозамещения.

Устойчиво высок масштаб импортозамещения оборудования в промышленности строительных материалов: и во II, и в III кв. 2015 г. не ме-

нее 40% предприятий отрасли замещали подорожавшее импортное оборудование российскими аналогами. В условиях явного кризиса строительного сектора, возросшей конкуренции производителей за поставки материалов при падающем рынке и пессимистичных ожиданий по поводу кризиса предприятия отрасли пересматривают свои инвестиционные программы, как в сторону сокращения, так и в сторону удешевления. Планы отрасли на IV кв. (41% предприятий) показали сохранение фактического масштаба импортозамещения II кв. и оказались самыми высокими по сравнению с другими отраслями. Заметим, что отраслевые планы и на III кв. предполагали импортозамещение машин и оборудования примерно у 40% предприятий. Таким образом, промышленность строительных материалов демонстрирует не только самые значительные масштабы импортозамещения, но и самые стабильные показатели в этой области.

Высокую стабильность фактических и планируемых результатов импортозамещения оборудования показывает и российская металлургия. В этой отрасли четверть предприятий и фактически сокращает долю инвестиционного импорта, и планирует это продолжать в IV кв. 2015 г.

Почти такие же масштабы фактического импортозамещения демонстрирует и пищевая промышленность, 24% предприятий которой снижали долю импорта в своих закупках машин во II кв. и 23% – в III кв. 2015 г. Однако отраслевые планы на III кв. были чуть выше – 29% и лишь немного снизились (до 27%) на последний квартал кризисного года. При этом в пищевой промышленности зарегистрирован самый высокий уровень «импортосохранения». Так можно назвать в современных условиях долю предприятий в отрасли, которые сообщили о неизменности (или даже росте) доли импорта в своих закупках оборудования. В пищепроме таких предприятий оказалось 74%, в результате традиционный для опросов баланс оценок (импортозамещение – «импортосохранение») сложился не в пользу национальной политики в этой области (–51 п.п.) при минимальной независимости отрасли от импортного оборудования. Отраслевые планы на IV кв. демонстрируют попытки предприятий отрасли «слезть с импортной иглы». Так, намерение сохранить долю импорта отмечено только у 62% предприятий, что опустило баланс планов инвестиционного импортозамещения до (–35) п.п.

Машиностроение оказалось одной из двух отраслей, которые снизили масштабы фактического импортозамещения в III кв. по сравнению со II кв. – 22 после 32%. Аналогичная негативная тенденция сложилась и с планами в этой отрасли: они снизились с 33 на III кв. до 22% на IV кв. Таким образом, и фактические масштабы, и планы импортозамещения потеряли по 11 п.п. Машиностроение определенно отказывается от закупок российских средств производства и пытается удержать прежнюю долю импорта: в III кв. доля сторонников

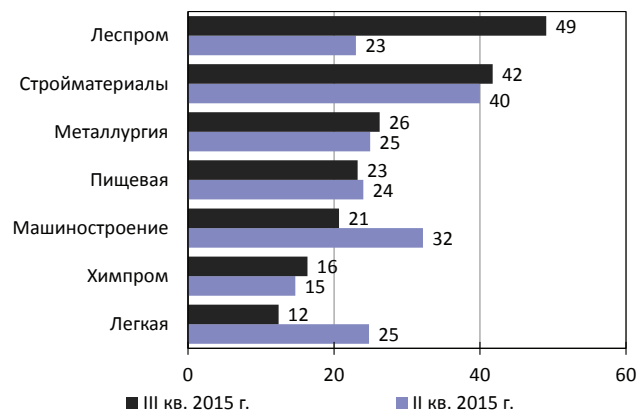

Рис. 2. Масштабы фактического импортозамещения при закупках машин и оборудования в отраслях промышленности, %

«импортосохранения» в отрасли выросла до 64 после 52% во II кв. Решение этой задачи даже после девальвации и подорожания импортного оборудования облегчается резким снижением инвестиционных планов отрасли.

Второй отраслью, которая сообщила о принципиальном снижении масштабов импортозамещения оборудования, стала легкая промышленность: после 25% отказа от закупок импорта во II кв. 2015 г. в III кв. эту политику смогли реализовать только 12% предприятий. Аналогичная картина наблюдается и с отраслевыми планами: после 31% уровня намерений отказаться от импорта в III кв. об аналогичных планах на IV кв. сообщили только 15% предприятий. Двукратное снижение интенсивности импортозамещения в легкой промышленности может объясняться как отсутствием производства на территории России необходимого оборудования, так и попытками отрасли выйти на внешние рынки после ослабления национальной валюты. Последние, впрочем, пока не увенчались успехом. Только 7% предприятий в сентябре 2015 г. сообщили о росте экспортного спроса вследствие девальвации рубля. При этом рост внутреннего спроса по той же причине отметили 17% предприятиям легпрома: подорожавший импортный ширпотреб заставляет российских покупателей переориентироваться на продукцию российских предприятий, хотя и не в таких масштабах, как, наверное, ожидали сторонники девальвационной защиты отечественного производителя.

В целом можно сказать, что отсутствие в стране необходимого сырья и оборудования фактически заставляет российские промышленные предприятия обращаться к критически важному импорту, а постепенная адаптация к новым ценам позволяет им это делать. ●

4. ЗАПРЕТ НА ВВОЗ ПРОДУКТОВ С УКРАИНЫ: МАСШТАБ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Н.Шагайда

С 1 января 2016 г. Правительство России вводит запрет на ввоз продовольственных товаров с Украины¹.

Однако этот запрет не приведет к значительным последствиям для двух стран:

- роль Украины как импортера России незначительна как по общим объемам импорта продовольствия (1,2%), так и по отдельным его группам;
- снижение роли Украины (на долю которой еще в 2012 г. приходилось более 5% в структуре российского продуктового импорта) началось до событий 2014 г. В немалой степени эта ситуация была связана с деятельностью Россельхознадзора и Роспотребнадзора, предъявлявших множество претензий к украинской продукции, в результате которой торговые отношения между странами стали непрозрачными и слабопрогнозируемыми;
- Украина после утраты позиции на рынке России уже смогла в значительной степени переориентироваться на другие рынки.

Торговые взаимоотношения с Украиной имели сложный характер еще до введения санкций и антисанкций в 2014 г. Так, при росте общего импорта продовольствия Россией в предшествующие годы² объем поставок с Украины уже снижался (рис. 1). После введения Россией продовольственного эмбарго в отношении ряда стран, в число которых Украина тогда еще не входила, сокращение ввоза украинского продовольствия тем не менее продолжилось и абсолютно, и относительно других стран (рис. 2). В 2015 г. ввоз сократился до 235 млн долл. (в 6,2 раза относительно 2012 г.)

Еще до введения антисанкций Россией на сокращение импорта продовольствия с Украины повлияла деятельность Роспотребнадзора и Россельхознадзора, в частности, усиливавших контроль за ввозом сырья и продукции мясной и молочной промышленности³. В ре-

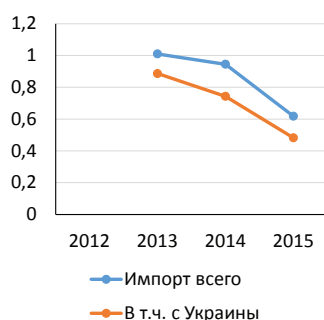

Рис. 1. Поставки продовольствия к аналогичному периоду прошлого года

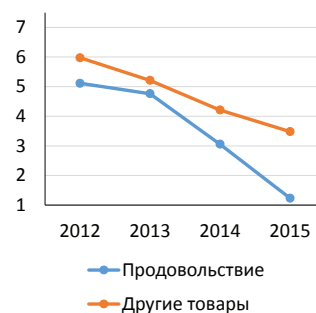

Рис. 2. Доля Украины в импорте России, %

1 О дополнении списка стран, в отношении которых вводится запрет на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. <http://government.ru/docs/19265/>

2 Здесь и ниже анализ проводится по годам по сопоставимому временному периоду — за январь–сентябрь.

3 Например: <http://www.agroinvestor.ru/markets/news/16163-rosselkhozndzor-ostanovil-partiyu-sukhogo-moloka-iz-ukrainy/>, <http://161.ru/text/newslines/779277.html?full=3>

Таблица 1

УКРАИНСКИЕ ПРОДУКТЫ, ЗАНИМАЮЩИЕ МАКСИМАЛЬНУЮ ДОЛЮ В ИМПОРТЕ РОССИИ
(ПО ГРУППАМ ТНВЭД)

	2012			2015	
	Млн долл.	Доля в общем импорте группы в РФ, %		Млн долл.	Доля в общем импорте группы в РФ, %
18. Какао и продукты из него	290,43	32,1	14.Растительные материалы для изготовления плетеных изделий	0,12	6,32
19. Готовые продукты из зерна злаков	99,03	14,1	02.Мясо и пищевые мясные субпродукты	89,11	3,90
20. Продукты переработки овощей, фруктов...	129,35	11,6	11.Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин	2,93	3,38
11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности	15,46	11,6	18.Какао и продукты из него	21,11	3,20
17. Сахар и кондитерские изд.	58,69	11,2	23.Остатки, отходы корма для животных	19,26	2,77
04. Молочная продукция	249,89	10,7	22.Алкогольные и другие напитки	31,75	2,69
22. Алкогольные и другие напитки	203,38	10,3	12.Масличные семена и плоды	20,05	1,82
Всего	1463	5,2	Всего	235	1,2

Источник: ФТС.

зультате импорт изделий из молока сократился с 250 млн долл. в 2012 г. до 7 млн долл. в 2015 г., а доля Украины в российском продовольственном импорте снизилась с 5 до 1,2%. Темпы этого сокращения превысили темпы сокращения поставок непродовольственных товаров (здесь доля Украины упала с 6 до 3,2%).

Украина была для России действительно крупным торговым партнером. Так, в 2012 г. по 7 группам продовольственных товаров из 24 доля Украины превышала 10% (табл. 1). Украинские предприниматели наладили поставку в Россию даже таких продуктов, которые не производились в их стране. Так, с Украины завозилось более 32% импортируемых в Россию какао и продуктов его переработки.

За несколько лет торговые позиции Украины свелись к крайне незначительному уровню. В 2015 г. осталось только 6 групп продуктов, по которым ее доля превышала 2% от общего их ввоза в Россию. По стоимости самой весомой группой является мясо (89 млн долл., или 3,9% импорта мяса в Россию), по доле в поставке – соломка (6,3%).

В структуре продовольственных товаров, завозимых с Украины в Россию, также произошли существенные изменения. Так, в 2012 г. наиболее значимыми были какао и продукты его переработки (19,9%), молочная продукция и пр. (по коду 04) (17%), алкоголь (14%), мясо (11%), продукты переработки овощей, фруктов (около 9%), готовые продукты из зерна злаков (7%), овощи, сахар и кондитерские изделия (по 4%). Доля остальных составляла менее 4%. В 2015 г. преобладающими группами оказались мясо (около 40%), алкоголь (13,55%), какао, а также масличные (по 9%), корма для животных (8%).

В результате ущерб от новых ограничений на ввоз украинских товаров в России окажется малозаметным.

Одним из доводов в дискуссиях по поводу присоединения Украины к ЕС было то, что украинские товары не найдут спроса на новых рынках, если Россия закроет границы. За период с 2012 г. экспорт Украины действительно снижается. Однако это снижение по продовольственным товарам нельзя назвать критическим – в 2015 г. на 15% относительно 2012 г., в то время как куда большие проблемы возникли с экспортом непродовольственных товаров (рис. 3). В то же время экспорт продовольствия в Россию действительно значительно упал – более чем в 6 раз (с 1,45 до 0,24 млрд долл.). В 2015 г. экспорт в Россию составил только 0,26 от уровня 2014 г. (рис. 4).

Сопоставление темпов падения украинского экспорта по продовольственным товарам в целом и в Россию свидетельствует о том, что эта страна уже переориентировалась на другие рынки. Отказ России от продуктов с Украины принесет проблемы только для поставщиков отдельных групп товаров, а не для украинской экономики в целом. Так, стоимость самой значимой статьи экспорта в Россию – мясо и мясопродукты – составляет около 89 млн долл. (32% всего мясного экспорта Украины), однако это лишь 0,9% ее продовольственного экспорта. На то, что Украина нашла новые рынки и не сокращает производство продуктов, которые ранее завозила в Россию, указывает факт увеличения доли мяса в структуре продуктового экспорта Украины (1,8% – в 2012 г., 2,2 – в 2013 г., 2,7% – в 2015 г.). Общий объем в стоимостной оценке вырос с 2012 г. по 2015 г. на 30%, притом что поставки этого продукта в Россию в 2015 г. сократились за этот же период почти вдвое. Объявление о распространении российского эмбарго на Украину носит, скорее, информационный характер. Сокращение объемов импорта, исчезновение относительно дешевых украинских продуктов для российского потребителя уже произошло ранее, поэтому сейчас он вряд ли что-то всерьез ощутит на фоне общего подорожания продуктов и сокращения объемов своих покупок. ●

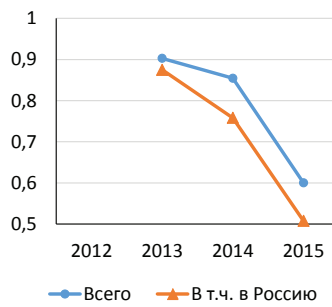

Рис. 3. Экспорт непродовольственных товаров с Украины относительно аналогичного периода (январь–сентябрь) предыдущего года

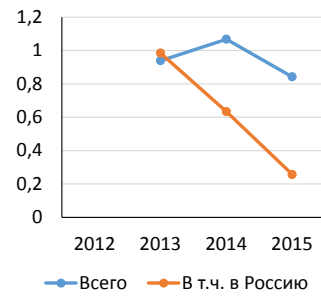

Рис. 4. Экспорт продовольственных товаров с Украины относительно аналогичного периода (январь–сентябрь) предыдущего года

5. СОЦИАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ РЕГИОНОВ: СТРАНА КОНТРАСТОВ

Н.Зубаревич

Три главных тренда 2015 г. для консолидированных бюджетов регионов – заметный рост доходов, замедление роста расходов, незначительный рост долга и улучшение его структуры. Динамика доходов консолидированных бюджетов регионов в 2015 г. (данные за январь–сентябрь) улучшилась по сравнению с динамикой 2013–2014 гг., несмотря на экономический спад. Хотя заметны существенные региональные различия: в большинстве регионов доходы упали, в ряде других – существенно выросли. Долг регионов и муниципалитетов рос медленнее, чем в 2013–2014 гг., увеличившись с января до начала ноября 2015 г. только на 5%. Расходы консолидированных бюджетов выросли только на 4%, что связано с усилением ответственности регионов в бюджетной политике. Однако анализ динамики социальных расходов показывает сильную дифференциацию и по отдельным статьям, и по регионам. Среди очевидных проблем – непрозрачность структуры расходов бюджетов регионов на здравоохранение.

Несмотря на экономический спад, динамика доходов консолидированных бюджетов регионов в январе–сентябре 2015 г. улучшилась по сравнению с динамикой в аналогичные периоды 2013–2014 гг. Доходы за три квартала 2015 г. выросли на 8% по сравнению с тем же периодом 2014 г. благодаря увеличению поступлений налога на прибыль (на 14%, без учета Сахалина – на 10%) и налога на имущество (на 15%). Но этот рост может оказаться нестабильным или негативно влияющим на бюджеты регионов. Дело в том, что значительный рост поступлений налога на прибыль во многом обусловлен сильной девальвацией рубля в конце 2014 г.¹ Этот налог рассчитывается по базе предыдущих периодов (более благополучного 2014 г.), поэтому многие крупные компании переплатили его в 2015 г., и бюджетам придется возвращать переплату. Рост поступлений налога на имущество обусловлен повышением ставок, что привело к усилению налоговой нагрузки на бизнес в условиях кризиса. Значительно медленнее росли поступления главного налога для подавляющего большинства регионов – на доходы физических лиц (на 5%), а также трансфертов (менее чем на 2%, без учета Крыма – на 4%).

Динамика в целом по бюджетам регионов не отражает сильных региональных различий: в 23 регионах доходы сократились, а в 5 регионах выросли очень существенно – на 20–54%.

Долг регионов и муниципалитетов с января до начала ноября 2015 г. рос медленнее по сравнению с 2013–2014 гг. и увеличился лишь на 5%. Максимальные темпы роста долга отмечались в октябре из-за сокращения трансфертов регионам и возросших расходных обязательств. Дина-

¹ Крупные компании-экспортеры получают доходы в валюте, к концу года они накопили большие валютные остатки на счетах, с которых взимался налог на прибыль с учетом курсовой разницы.

мика в целом за год может быть хуже, так как рост долга обычно ускоряется в ноябре–декабре. Структура долга улучшилась благодаря возросшей федеральной поддержке в виде дополнительных бюджетных кредитов Минфина России: доля наиболее дорогих в обслуживании кредитов коммерческих банков сократилась до 38% и сравнялась с долей бюджетных кредитов. Для сравнения, в начале 2015 г. пропорция была более проблемной для регионов 44 и 31% соответственно. Хотя бюджетные кредиты Минфина России позволяют смягчить нагрузку на регионы, системно проблему долга они не решают.

Расходы консолидированных бюджетов увеличились только на 4%, что связано с усилением ответственности регионов в бюджетной политике. Какими были ее приоритеты в 2015 г.? На первый взгляд, менее явными стали социальные приоритеты, доминировавшие в предыдущие годы. В отличие от двух предыдущих лет, расходы на национальную экономику росли быстрее социальных расходов (рис. 1).

Однако это следствие политики одного региона с огромным бюджетом – Москвы, которая резко нарастила расходы на национальную экономику (на 26%), в основном на транспорт и дорожное строительство. Без учета столицы динамика расходов на национальную экономику вдвое ниже (5%) и сопоставима с общим ростом расходов бюджетов, а в 33 регионах эти расходы сократились. Расходы на ЖКХ снизились в 50 регионах, но основная экономия достигнута также за счет Москвы (сокращение на 8%) и С.-Петербурга (на 21%), причем суммарно на два федеральных города приходится более трети всех расходов бюджетов регионов на эти цели. Значительный рост расходов на ЖКХ в 15 регионах (на 30–230%) обусловлен оплатой накопившейся задолженности поставщикам услуг (организациям газо-, водо- и электроснабжения) под угрозой отключения. Таким образом, нельзя утверждать, что приоритетность социальных расходов явно снизилась.

Приоритетные статьи социальных расходов различались в последние годы: в кризис 2009–2010 гг. опережающими темпами росли расходы на социальную защиту населения; в 2012–2013 гг. – расходы на образование и здравоохранение для выполнения указов президента, в 2014 г. – согласно тем же указам на культуру. По данным за три квартала 2015 г. различия в динамике отдельных видов социальных расходов сгладились. Несколько быстрее росли расходы на социальную политику и здравоохранение при минимальном росте расходов на культуру. Но это общая картина. Анализ динамики социальных расходов показывает сильную дифференциацию и по отдельным статьям, и по регионам.

Рост расходов на *образование* за три квартала 2015 г. (5%) сохранился на уровне 2014 г., но более заметными стали различия в динамике по отдельным статьям. Больше всего выросли расходы на дошкольное об-

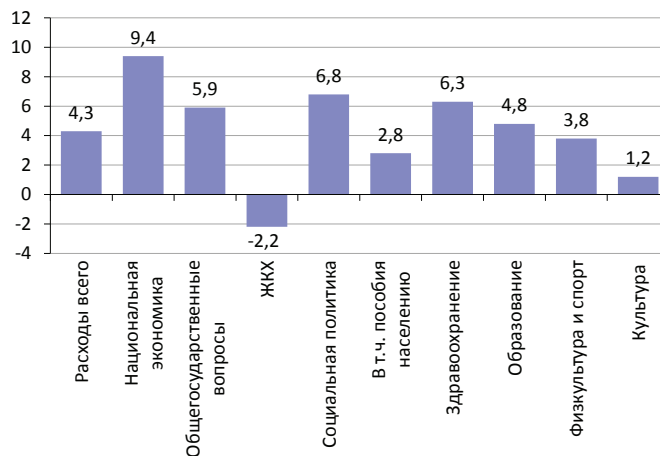

Рис. 1. Расходы консолидированных бюджетов регионов в январе–сентябре 2015 г., в % к аналогичному периоду 2014 г.

разование (13%), поскольку регионы должны выполнять программу строительства детских садов, несмотря на начавшееся снижение рождаемости, обусловленное особенностями российской возрастной пирамиды. Рост финансирования общего образования был минимальным (2%) из-за продолжающейся оптимизации сети школ. Расходы на среднее профессиональное образование, которое относится к компетенции регионов, снизились на 0,3%, сокращается и число учащихся, и сеть учреждений среднего профессионального образования.

Расходы на *здравоохранение* распределяются между бюджетами регионов и территориальными фондами обязательного медицинского страхования (ТФОМС). В 2015 г. доля ТФОМС впервые превысила половину всех расходов (51%). С учетом ТФОМС расходы на здравоохранение выросли значительно – на 11,6% (рис. 2).

Структура расходов бюджетов регионов на здравоохранение стала наименее прозрачной среди всех видов социальных расходов: 2/3 составляют так называемые «прочие расходы в области здравоохранения», к которым относятся межбюджетные трансферты, социальное обеспечение и иные выплаты населению и др. Именно эти расходы растут быстрее всего, в отличие от финансирования из бюджета стационарной и амбулаторной медицинской помощи, которое сократилось на 5–10% вследствие оптимизации сети учреждений или перевода части из них в статус автономных некоммерческих. В суммарных расходах бюджетов и ТФОМС «прочие расходы в области здравоохранения» достигают 84%, это в основном страховые выплаты населению, а также трансферты муниципальным бюджетам. Централизация финансирования здравоохранения на уровне регионального бюджета с трансфертами муниципалитетам и рост финансирования из ТФОМС привели к тому, что бюджетная статистика финансирования здравоохранения в регионах теперь мало что показывает.

Расходы на *социальную защиту* населения (статья «социальная политика») выросли за три квартала 2015 г. на 6,8%, но все же их рост отставал от динамики 2014 г. (7,8% в целом за год без учета Крыма). В среднем по регионам более 70% расходов на соцзащиту составляет выплата пособий населению. В предыдущие годы динамика расходов на социальную защиту в целом и на пособия почти не различалась, но в 2015 г. расходы на пособия росли медленнее (2,8%). Основная причина – политика Москвы, которая сократила расходы на выплату пособий на 10%. Без учета столицы динамика расходов на пособия населению почти такая же (5,5%), как и всех расходов на социальную защиту.

Сводные данные не отражают разнообразие политики регионов в сфере социальных расходов. Как и в предыдущие годы, *региональная динамика* по основным видам социальных расходов крайне пестрая (рис. 3). В целом расходы сократили 13 регионов (без учета Крыма), наи-

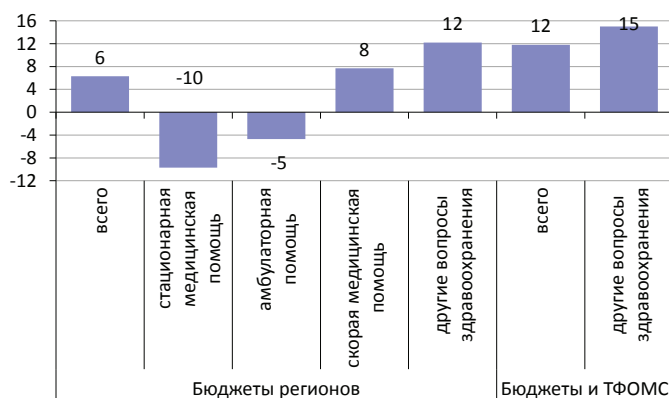

Рис. 2. Расходы на здравоохранение бюджетов регионов и ТФОМС в январе–сентябре 2015 г., в % к аналогичному периоду 2014 г.

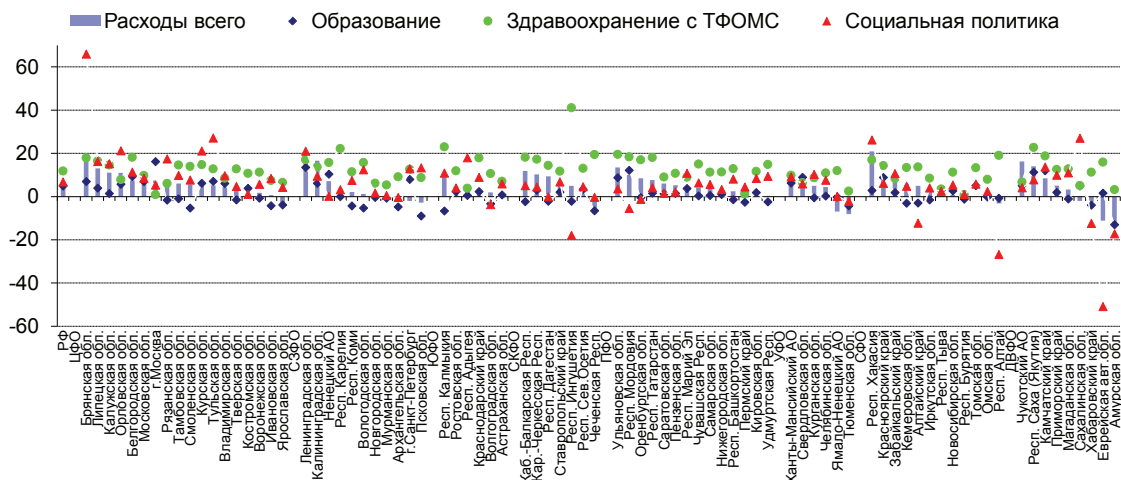

Рис. 3. Динамика всех расходов и основных видов социальных расходов в январе–сентябре 2015 г., в % к аналогичному периоду 2014 г.

более сильно – Амурская область (–13%), Еврейская автономная область (–11%), Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО и Чеченская республика (–7–8%). Чаще всего по причине снижения доходов их бюджетов, в ряде случаев – давление большого долга региона.

В 2015 г. процесс оптимизации социальных расходов стал более масштабным по территориальному охвату, хотя и не по всем статьям расходов. Лидер оптимизации – образование. Если в целом за 2014 г. расходы на него сократили 9 регионов, то в январе–сентябре 2015 г. – 32 региона. Больше всего снизились расходы на образование в Амурской (–13%), Псковской (–9%) областях, а также в Республиках Калмыкия и Чечня (–7%), где численность школьников растет. Самый значительный рост расходов на образование зафиксирован в Москве (на 16%) за счет почти 3-кратного увеличения финансирования дошкольного образования, в основном на строительство детских садов. Высокие темпы роста расходов на образование (11–13%) отмечены у регионов с разной степенью бюджетной обеспеченности: Ленинградская область и Республика Якутия – с благополучной бюджетной ситуацией, Республика Мордовия – с огромным долгом, дефицитом бюджета и снижением его доходов, высокодотационный Камчатский край.

Расходы бюджета на здравоохранение в январе–сентябре 2015 г. сократили 15 регионов, наиболее сильно – Республика Адыгея (–12%), Амурская область (–10%), Москва, Бурятия и Свердловская область (–7–8%). Однако в 2014 г. было вдвое больше регионов с отрицательной динамикой расходов бюджетов на эти цели. Рассматривать только бюджетные расходы некорректно, следует учитывать и расходы ТФОМС. Суммарно они выросли во всех регионах, особенно значительно – в республиках Ингушетия (43%), Карелия, Калмыкия, Якутия, Чечня, Алтай, в Камчатском крае и Ульяновской области (19–23%). Чаще всего значительный рост связан с финансированием из бюджета строительства медицинских учреждений. В Москве, Пермском крае и Бурятии рост расходов был минимальным – на 1%, в Тюменской области (2%).

Расходы на социальную политику сократили только 10 регионов, как и в 2014 г., при этом в половине из них сильное сокращение обусловле-

но завершением социальных выплат пострадавшим от наводнений (Еврейская автономная область, Республика Алтай, Амурская область, Хабаровский и Алтайский края). Реальным лидером сокращения в 2015 г. стала Ингушетия (–18%), в которой в 2014 г. был неадекватно высокий рост расходов на пособия населению. Значительный рост расходов на социальную политику и особенно на пособия населению в сентябре 2015 г. чаще всего связан с проведением многочисленных региональных выборов. «Чемпионом» роста стала Брянская область (66%), за ней следуют Тульская, Орловская, Курская и Ленинградская области, Республика Хакасия (21–27%), несмотря на то что у большинства этих регионов большие долги и дефицит бюджета. Позволить себе значительный рост расходов на социальную политику может только один сверхбогатый регион – Сахалин (27%). ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Дробышевский С., директор по научной работе ИЭП
им. Е.Т. Гайдара

Зубаревич Н., главный научный сотрудник Института
социального анализа и прогнозирования РАНХиГС

Казакова М., заместитель заведующего международной
лабораторией изучения бюджетной устойчивости Научного
направления «Реальный сектор» ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых
исследований Научного направления «Макроэкономика
и финансы» ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных
опросов Научного направления «Реальный сектор» ИЭП
им. Е.Т. Гайдара

Шагайда Н., директор Центра агропродовольственной
политики РАНХиГС